

Очерки научной жизни.

- Г.И. Абелев

Часть 1: Выбор пути. Учителя

Семинар Гельфанда.

В истории нашей науки последних десятилетий были события, которые, подобно магниту, стягивали в одну точку пространства лучших представителей ученой элиты. К таким событиям относились семинары П.Л. Капицы, В.Л. Гинзбурга, школы молекулярной биологии В.А. Энгельгардта, тбилисские симпозиумы Э.Л. Андроникашвили и, конечно, семинар, основанный выдающимся математиком И.М. Гельфандом.

Многих участников этих встреч уже нет с нами рядом – одни ушли из жизни, другие уехали в иные страны, третьи отошли от дел. Но хочется, чтобы память нас не подвела. Чтобы те, кто не дышал упоительной атмосферой этих почти отгремевших событий, мог приобщиться к празднику научного духа. Для них мы публикуем эти воспоминания.

Редколлегия «Химии и жизни»

Было трудно, часто – обидно¹

В начале 60-х годов драматические личные обстоятельства привели И.М. Гельфанда – выдающегося математика – в область гематологической онкологии. Он сам стал вникать в проблемы биологии и патологии клетки, сам стал знакомиться и разговаривать с людьми, серьезно занимавшимися

¹ Опубликовано в журнале «Химия и жизнь», № 3, 30–32, 1995 г.

этими проблемами, стал сводить разных специалистов друг с другом. И так возник уникальный Гельфандовский семинар.

Главное в работе семинара было – дойти до «сухого остатка» обсуждаемой проблемы или конкретной работы, на нем представленной. И ведущая роль в этом принадлежала И.М. – его сильный ум, глубокий интерес, язвительная ирония и отсутствие специальных знаний, позволявшее постоянно задавать «наивные» вопросы, – уникально сочетались в достижении этой цели.

Стиль семинара был необычным и трудным – докладчика постоянно прерывали, часто уводили вопросами в сторону или, наоборот, не давали уйти в сторону; почти для каждого его утверждения, особенно для общепринятого, требовали обоснований, не давали скрыться за общими фразами и не делали скидок на положение или авторитет. Иногда это казалось лишним и неоправданным, но в этом был свой смысл и своя логика.

И.М. часто говорил, что профессионалы, собираясь в своем кругу, как бы договариваются не касаться определенных тем или использовать понятия, лишь условно обоснованные, но неприкасаемые – такие, например, как «эволюция» или «теория систем». (Примеры эти не являются примерами И.М., но иллюстрируют мое понимание проблемы.) Он беспощадно изгонял подобные общие положения при анализе конкретных проблем и просто отказывался их обсуждать.

Время организации семинара – начало 60-х годов – еще дышало борьбой с «лысенковско- мичуринской» биологией. Для многих биологов эта борьба становилась главным в их собственной научной жизни. И.М. не принимал такой позиции. Он не раз говорил, что на «антифашизме» нельзя построить положительную конструктивную концепцию, и не принимал «антилысенковщину» на семинаре, как борьбу с очевидной нелепостью, не требующей специального внимания. Как мне кажется, он ценил в семинаре

отсутствие интереса не только к «лысенковщине», но и к «антилысенковщине». Во всяком случае, на семинаре эти вопросы не обсуждались.

И.М. был врагом «художественного стиля». Он был очень насторожен к стройному и образному изложению предмета, считая, что «красоты» часто прикрывают дефекты в аргументации. Он немедленно прерывал докладчика, если заподозревал его в «художественности», предлагал кому-либо из аудитории повторить, что сказал докладчик, или объяснить, сказал ли он что-нибудь вообще. Этот прием – повторение сказанного докладчиком кем-либо из слушателей – был одним из излюбленных и, надо сказать, вполне эффективным, хотя и не очень вежливым. Ясно, что в область «художественного» попадала и академическая форма, на семинаре не удававшаяся даже приглашенным докладчикам, не привыкшим к семинарскому стилю и даже особо оберегавшимся от нападков. Однако если И.М. видел серьезную, но еще беззащитную мысль или предварительный результат, то запрещал требовать от докладчика слишком много.

Постоянным стремлением И.М. на семинаре было его желание выяснить, есть ли в докладе второй план, стоят ли за словами и результатами докладчика и другие, более специальные и глубокие знания и эксперименты или публике представлено все, чем он располагает. Этому чаще всего служили неожиданные вопросы, казалось бы, не по делу, отвлекающие от основной линии изложения.

Очень не любил И.М. вмешательства математиков в обсуждение биологических проблем. Он говорил, что в этом нет необходимости, кроме частных случаев вроде статистической обработки материала, и что в биологии работает другая логика, не требующая математики в пределах более широких, чем таблица умножения.

Анализ конкретных работ на семинаре был, пожалуй, самым серьезным и по рассмотрению экспериментального материала, и по общему их смыслу.

А общие замечания И.М. оказывались, как правило, неожиданны и глубоки. Как-то И.М. сказал, сославшись, по-моему, на Бора: глубокое утверждение отличается тем, что противоположное ему тоже справедливо. В другой раз обсуждали доклад В.И. Агола о «менделеевской системе» для вирусов, где автор утверждал, что разные вирусы используют все теоретические *возможности репликации РНК и на этой основе* предсказывал неизвестные еще вирусы. И.М. по этому поводу заметил, что время от времени предпринимаются попытки понять, как совершаются открытия, но дело в том, что каждый раз они делаются по-разному.

И очень часто И.М. комментировал ситуацию очень остроумными и точными анекдотами, пересказывать которые я бы здесь не решился.

Участвовать в семинаре было трудно, часто обидно, но мне кажется, что этот семинар был единственным в своем роде. Он способствовал тому, чтобы быть до конца честным с самим собой и жить в системе подлинных, а не мнимых критериев и ценностей.